

СУЖЕНИЕ $|\tilde{a}|$ В КЕНТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А. СТЕПОНАВИЧЮС

Одной из отличительных черт древнекентских письменных памятников является отсутствие орфографического разграничения $|\tilde{a}|$ и $|\tilde{e}|$, $|\tilde{a}^1|$ (< герм. $|\tilde{e}^1|$), $|\tilde{a}^2|$ (< герм. $|ai| + i, j$) и $|\tilde{e}|$ (< герм. $|\tilde{e}^2|$), в то время как в уэссекском диалекте $|\tilde{a}|$, $|\tilde{a}^1|$, $|\tilde{a}^2|$ довольно последовательно обозначаются буквой \tilde{a} (ae, ϵ), а $|\tilde{e}|$ обозначается буквой e^1 .

Для кентских грамот характерно беспорядочное употребление букв \tilde{a} и e или употребление только одной буквы e при обозначении всех указанных фонем.

Рефлексы герм. $|\tilde{e}^1|$ пишутся через буквы e и \tilde{a} в сложных английских именах в грамотах 4 и 5²:

гр. 4 (679 год. *Hloðhere*. Рукопись *Cott. Aug. II. 2*)³: *-redi* (др. уэсс. *rād*) 4, 5, 5, *-maeri* (др. уэсс. *māre*) 5;

гр. 5 (700 или 715. *Wihfred. Aug. II. 88*; *Stowe 1*): *-redus 1*, *-redi 5*, *meg-* (др. уэсс. *māg*) 3, *stret* (др. уэсс. *strāt*) 3.

В грамотах IX в. встречаются такие написания рефлексов герм. $|\tilde{e}^1|$:

гр. 33 (803. *Ædelheard. Cant. Arch.*): *wer-* (др. уэсс. *wār*) 2, 19, *wēr-* 11;

гр. 34 (805. *Cudred. Stowe 7*; *Aug. II. 100*): *were* (др. уэсс. *wāron*) 11;

гр. 35 (811. *Wulfred. Aug. II. 47*): *wer-* 11, *-setum* (др. уэсс. *sāta*) 4;

¹ K. Luick, *Historische Grammatik der englischen Sprache*, Leipzig, 1921, § 116, 117, 180; K. Bülbring, *Altenglisches Elementarbuch*, Heidelberg, 1902, § 91, 92; E. Sievers—K. Brunner, *Altenglische Grammatik nach der angelsächsischen Grammatik von Eduard Sievers neubearbeitet von Karl Brunner*, Halle (Saale), 1951, § 14, 19, 55 Anm., 62, 97 Anm.; A. Campbell, *Old English Grammar*, Oxford, 1959, § 128, 288.

² Формы грамот даются по изданию Суита (H. Sweet, *The Oldest English Texts*, London, 1885). Данные, касающиеся орфографии грамот, приводятся в работе Чэдвика (H. M. Chadwick, *Studies in Old English*, "Transactions of the Cambridge Philological Society", Vol. IV, part 2, London, 1899). Однако имеются некоторые расхождения между формами, даваемыми Чэдвиком, и формами из издания Суита. Для ясности, особенно при первом цитировании слова, мы даем исходные древнеанглийские или уэссекские формы. Цифры указывают на строки грамот.

³ Как указывает Кэмпбелл, рукопись гр. 4 относится к более позднему времени, чем год составления грамоты (679). С другой стороны, вряд ли рукопись старше 750 года. См. A. Campbell, *OE Grammar*, § 14.

гр. 36 (824. *Wulfred. Aug. II. 72*): *uuer-7*;

гр. 37 (805—831. *Oswulf. Aug. II. 79*): *ðaer* (др. уэсс. *ðār*) 6, 7, 23, *wæron* прет. 7, *scēp* (др. уэсс. *scēap* < **scāp*) 18, *caeses* (др. уэсс. *cūse* < **cāsi-*) 19, *cæsa* 20, *uuege* (др. уэсс. *wāge*) 20, *suęsenda* (др. уэсс. *swāsend*) 25, *suesendum* 14, *red* 26;

гр. 38 (831. *Eadwald. Aug. II. 19*) *wer-* 20, *were* прет. 6, *meihanda* (др. уэсс. *māg-*) 4, *meghond* 11, *begetan* прет. (др. уэсс. *begēat-* < **begāt-*) 11, 14;

гр. 39 (831. *Ealhbürg. Aug. II. 52*): *mege* 6, *gere* (др. уэсс. *gēar* < **gār*) 2, 12, *cesa* 4, *wege* 4, 5;

гр. 40 (832. *Lufu. Aug. II. 92*) *wega* 6, *wer-* 14, *mega* 7, *gere* 4, *ceses* 6;

гр. 41 (835. *Abba. Aug. II. 64*): *wær-* 49, *þær* 22, *scēpa* 14, *megas* 18, *sele* (др. уэсс. *sālan*) 38, *sæled* 39, *gesele* 41, *megas* 16, *gere* 29, *ceses* 30, 61, *weg(a)* 30, 61, *scēp* 31, *ðer* 34, 41, *-lese* (др. уэсс. *lās*) 67;

гр. 42 (837. *Badanoð. Aug. II. 42*) *ðer* 6, *swæsendum* 16, *red* 22, *medwe* (др. уэсс. *mād*) 21;

гр. 43 (859. *Plegred. Aug. II. 16*): *medum* 5, 5, *-med* 6, *stret(e)* 3, 6;

гр. 44 (888. *Ceolwulf. Aug. II. 17*): *mege* 6.

Если обратиться к рефлексам герм. */ai/* + *i, j*, картина будет примерно та же. Правда, ранние грамоты слов с */ā²/* не содержат. В грамотах IX в. рефлекс герм. */ai/* + *i, j* обозначаются следующим образом:

гр. 33 *-hæð* (др. уэсс. *hād*) 6;

гр. 34 *æhte* (др. уэсс. *āht*) 11, 12, *nænig* (др. уэсс. *nānig* < *ni* + *ānig*) 16, *nange* 16, *ðæt* (др. уэсс. *ðām*) 13, *aræddan* (др. уэсс. *arādan*) 8, *bæt* мест. (др. уэсс. *bām*) 20, *gedæle* (др. уэсс. *dālan*) 14;

гр. 37 *ðæt* 16, 27, *ðem* 26, *huaetenra* (др. уэсс. *hwāten*) 17, *aegera* (др. уэсс. *āg*) 20, *gemęnum* (др. уэсс. *gemāne*) 23, *maest* (др. уэсс. *māst*) 26, *ðem* 6, 39, 40, *hela* (др. уэсс. *hālu*) 5, *clenra* (др. уэсс. *clāne*) 17, *gedele* 31, *arede* (др. уэсс. *arādan*) 37⁴;

гр. 38: *ðem* 9, *er* (др. уэсс. *ār*) 9, *enig* 11, *neniggra* 4, *mest* 12, *se-* (др. уэсс. *sā*) 17⁵;

гр. 39 *ðem* 1, 2, 2, 13, *awege* (др. уэсс. *awāgan*) 14;

гр. 40 *ðæt* 19, *ðem* 3, 6, 17, *lestan* (др. уэсс. *lāstan*) 21, *fordleste* 20;

гр. 41 *ðæt* 59, 59, *ðem* 66, *ærēst* 3, *ænig* 7, *ænne* 14, *gelesten* 66, *gelæste* 70, *ðem* 13, 16, 19 и др., *clennisse* 9, 14, *gedele* 31, *hemed* (др. уэсс. *hāmed*) 15-*redenne* (др. уэсс. *rāden*) 43;

гр. 42 *ðæt* 6, 8, *ær* 17, *ærēst* 4, *mest* 22, *gerece* (др. уэсс. *gerācan*) 17, *les-*
e 16;

гр. 43: *se-* 9.

Там, где буквы *e, æ* беспорядочно употребляются при обозначении рефлексов герм. */ē¹/, /ai/* + *i, j*, они иногда также смешиваются при обозначении рефлексов герм. */ē²/*:

гр. 37: *haer* (др. уэсс. *hēr*) 43, *aecan* (др. уэсс. *ēce*) 4;

⁴ Если форма *arede* соответствует древнеуэссекскому сильному глаголу *arādan* (гот. *ga-rēdan*; др. в. н. *rātan*), а не слабому (гот. *ga-raidjan*; др. в. н. *ant-reitjan*), то ударный гласный представляет собой рефлекс герм. */ē¹/*.

⁵ *boem* (др. уэсс. *bām*) 5 является результатом смешения *e* и *oe*.

гр. 42 *æce* 3, 21 (ср. *ece* 14);

гр. 44 : *ec* 7.

Аналогичным образом буквы *a* и *e* смешиваются при обозначении $[\tilde{a}]$ (< герм. $[\tilde{a}]$):

гр. 34 : *aedel-* (др. уэсс. *ǣdele*) 2, 4, 8, 9, 18, 18, *æt* 3, 19, *ðæt* 12, 14, 20, *hæbbe* 11, *næbbe*, 13 *hueder* (др. уэсс. *hwǣder*) 10;

гр. 35 *aedel-* 9, 9, 11, 13, *æt* 5, 6, 8, 9, 10, *æt* 4, *ðæt* 3, 5;

гр. 36 : *aedel-* 5, 7, *daeg-* (др. уэсс. *dǣg*) 8, *æt* 3;

гр. 37 *æt* 2, 16, *aet* 23, 25 и др., *ðæt*, *ðæt* 2, 6, 15 и др., *ðæs* 4, *ðæs* 4, *maege* прет. пр. (др. уэсс. *mǣge*) 20, 23, *aesterfylgendum* (др. уэсс. *ǣfter*) 29, *hæbben* 29, *hwaeder* 22, *daeges* 13, *fuguldaeg* 19, *festendæg* (др. уэсс. *fǣsten*) 19, *hueder* 42, *ðette* 34;

гр. 38 *edel-* 1, 2, 11, 16, 17, *et* 2, 8, 9, *dege* 5, *festnie* (др. уэсс. *fǣstnian*) 16, *hebbe* 13, *hebsað* 7, *ðet* 2, 10, 13, 13, *ðes* 4, 12, *wes* прет. (др. уэсс. *wǣs*) 3;

гр. 39 : *dei* 7, *sunnandege* 9, *et* 1, 1, 11, 12, *hebbe* 9, *hwet* (др. уэсс. *hwǣt*) 2, *scel* прет. пр. (др. уэсс. *scēal* < **scǣl*) 3, *ðet* 7, 9, *ðes* 15;

гр. 40 : *aedel-* 13, 14, *ðet* 8, *dei-* 13, *et* 3, 17, 19, (*ge*)*festnie* 12, 17, *forgef* прет. (др. уэсс. *gǣaf* < **gǣf*) 4, *hebbe* 9, 19, 21, *ðet* 19, 21, *wes* 1;

гр. 41 : *aedel* 18, *ædel-* 50, *æfter* 2, 5, 38, *æt* 3, 29, 34, 42, *dæge* 2, *begæt* прет. (др. уэсс. *gǣat* < **gǣt*) 4, *hæbbe* 3, 9, *hwæt* 37, 39, *hwæder* 23, *megen* прет. пр. 8, *ðæt* 1, 5, 6 и др., *deg* 58, 63, *dege* 38, *æfter* 64, *et* 59, 59, *festniæ* 48, *festnie* 50, *hebbe* 28;

гр. 42 : *aedel-* 2, *æt* 5, *æfter* 3*, 21, *begæt* прет. 2, *ðæt* 13, 13, 15, 18, *edel-* 26, 27, *et* 2, *dei* 7, 9, 12, 19, 21, *dege* 3, *ferē* сосл. (от *farān*) 2, *festnię* 23, *befestan* (др. уэсс. *befǣstan*) 7, *liffest* (др. уэсс. *liffǣst*) 6, *megen* прет. пр. 10, *ðes* 20, *ðet* 1, 4;

гр. 43 : *edel-* 1, 6, 7 и др., *et* 1, *dei-* 9, *ðet* 2;

гр. 44 *edel-* 2, 3, 5 и др., *dei-* 2.

Иногда $[\tilde{e}]$, наряду с написаниями через *e*, пишется через *æ*:

гр. 4 : *gebredi* (*gǣf-*; др. в. н. *gēba*, *gēban*) 4;

гр. 37 : *gæfe* 1, *gaefe* 11, *agæfe* (др. уэсс. *gǣfan* < **gēfan*) 27, *forecuaedenan* (др. уэсс. *forecswēden*) 11, *forecuaede(ne)* 16, *forecuaedenan* 25, *tuālf* (др. уэсс. *twēlf*) 9, 12, 15;

гр. 41 : *swæstar* 39, *wærgeld* (др. уэсс. *wēr*) 33, *selle* (др. уэсс. *sellan*) 11, *swālc* (др. уэсс. *swēlc*) 28, 31, *swālcum* 40, *alles* (др. уэсс. *elles*) 37.

В более поздних древнекентских памятниках — в Кентском гимне, Псалме и в Глоссах (в рукописи *Cotton Vespasian D. VI*, X века) — тоже находим беспорядочное употребление знаков *a* и *e*. В Глоссах⁶ при обозначении древнеанглийских $[\tilde{a}^1]$, $[\tilde{a}^2]$, $[\tilde{a}]$ господствует буква *e*, например,

$[\tilde{a}^1]$: *weron* прет. 262, 266, *spec* (др. уэсс. *spǣc*, *sprǣc*) 503, *specce* 873, *der* 676, *forletað* (др. уэсс. *lǣtan*) 288, *forletendum* 513;

⁶ Формы Глосс нами взяты из издания Цупитцы (J. Zupitza, *Kentische Glossen des neunten Jahrhunderts*, „Zeitschrift für deutsches Altertum“, Bd. XXI, 1877, S. 1—59). Цифры обозначают строки этого издания.

$|\bar{a}|$: *todel* (др. уэсс. *dālan*) 104, *todeleð* 375, *todelendes* 673, *eniges* 174, *enigum* 446, *enine* 980, *enig* 256, 1126, *hwetes* 381, *mestan* 781, *lerð* (др. уэсс. *lāran*) 470;

$|\bar{a}|$: *et* 280, 778, *deige* 186, *feder* (др. уэсс. *fāder*) 1182, *forgef* 1174, *afest-nað* 805, *wes* 267, 278.

Буква ϵ встречается лишь в немногих словах:

$|\bar{a}|$: *geefenedan* (др. уэсс. *geāfenian*; *āfen*) 186, *lewend* (др. уэсс. *lāwend*) 1156, *oferetum* (др. уэсс. *oferāt*) 888, *scer* (др. уэсс. *scēar* < **scār*) 858;

$|\bar{a}|$: *geefenlec* (др. уэсс. *geefenlācan*) 59, *beręcð* (др. уэсс. *berācan*) 480, *gehudleçt* = *geedleçt* (др. уэсс. *geedlācan*) 602, *tobret* (др. уэсс. *tobrādan*) 648, *gel* (др. уэсс. *gālan*) 942, *gehweðe* (др. уэсс. *gehwāde*) 946, *aręrð* (*arāran*) 1062.

$|\bar{a}|$: *eppe* (др. уэсс. *āppel*) 962, *feðera* (др. уэсс. *fāder*) 1188, *seç* (др. уэсс. *sāc*) 208, *węi* прет. (др. уэсс. *wāg*) 274, *węrra* (др. уэсс. *wār*) 509.

Древнеанглийские $|\bar{a}|$, $|\bar{a}|$, $|\bar{a}|$ в Гимне и Псалме пишутся через ϵ , α значительно чаще, чем в Глоссах. Но так как для их обозначения употребляется и буква e , а с другой стороны, буквы ϵ , α встречаются и при обозначении $|\bar{e}|$, отсутствие орфографического разграничения $|\bar{a}|$ и $|\bar{e}|$ в Гимне и Псалме не вызывает сомнений? Частые написания через ϵ , α объяснимы уэссским влиянием.

В среднекентском устанавливается написание e . *Ayenbite of Inwyt* (рукопись *Arundel* 57, 1340 года) пишет, например, *spece* прет. (др. уэсс. *spācon*) 70, 124, 201, *dede* (др. уэсс. *dād*) 10, 12, 19 и др. (др. а. $|\bar{a}|$), *del* (др. уэсс. *dāl*) 17, 49, 86 и др. (др. а. $|\bar{a}|$), *eppe* 54, 82, 84 и др., *bet* 1, 5, 6 и \dagger др. (др. а. $|\bar{a}|$)⁹.

* * *

Смещение знаков α (ae , ϵ) и e в кентских памятниках издавна привлекало к себе внимание исследователей, требуя объяснения. Почти все считают, что в кентском диалекте $|\bar{a}|$, $|\bar{a}|$, $|\bar{a}|$ подверглись сужению⁹. Прежде всего сужение $|\bar{a}|$ привело его к слиянию с $|\bar{e}|$. На основе результатов преломления $|\bar{a}|$ ученые могли установить, что его сужение предшествовало преломле-

⁷ др. а. $|\bar{a}|$ пишутся, например, через α , ϵ в *wære* Гимн 20, Пс. 20, *wæron* Пс. 82, *mærost* Пс. 4, *hælend* (др. уэсс. *hālend*) Пс. 32, *hælend* Гимн. 16, *ædelan* Гимн. 19, *ædelæ* Пс. 2, *-fest* Гимн. 4; через e — в *-deda* (др. уэсс. *dād*) Пс. 19, 44, *-dedum* Пс. 84, *lene* (др. уэсс. *lāne*) Пс. 15, *helende* Пс. 50, *feste* Пс. 93, *-fest* Гимн 16. Буквы α , ϵ употребляются для обозначения $|\bar{e}|$, например, в *sigehramig* ($|\bar{e}|$ < $|\bar{e}a| + i, j$) Гимн 30, *gefremmað* (др. уэсс. *frēmman*) Пс. 14, *gefremede* Пс. 48, *gefremed* Пс. 153 (ср. *gefremede* Пс. 40), *blætsiað* (др. уэсс. *blātsian* < **blōedsian*) Гимн 8, *brega* (др. уэсс. *bręgo*; $|\bar{e}|$ < $|\bar{e}| + i, j$) Пс. 2. (Формы Гимна и Псалма взяты нами из издания Добби: E. V. K. Dobbie. The Anglo-Saxon Minor Poems, Vol. VI, New York, 1942, p. 87—94).

⁸ См. J. K. Wallenberg, The Vocabulary of Dan Michel's *Ayenbite of Inwyt*. Uppsala, 1923.

⁹ Лишь по отношению к др. а. $|\bar{a}|$ Сунт в свое время думал, что написания e на месте написаний α представляют собой случай орфографической субституции, появившейся под влиянием французского письма (H. Sweet, A History of English Sounds, Oxford, 1888, § 414, 597. См. также N. Vøgholm. English Speech from a historical point of view, Copenhagen, 1939, p. 159). Подобное предположение нельзя считать правильным уже потому, что французское влияние могло вступить в силу лишь значительно позже, чем написания α начали заменяться написаниями e .

нию. Германскому / \tilde{e} / соответствует / \tilde{e} / не только в кентском, но и во всех английских диалектах. Сужение же / \tilde{a} / трактуется как чисто кентская особенность. В этом случае также предполагается слияние / \tilde{a} / > / \tilde{e} / . Оно, конечно, могло иметь место только после умлаута на i^{10} . Меньше единства по вопросу о сужении / \tilde{a} / . Если не считать попыток объяснить смещение a и e лишь как орфографическую субституцию, можно выделить две основные точки зрения на сужение / \tilde{a} / : согласно первой из них, / \tilde{a} / > / \tilde{e} /¹¹, согласно второй, господствующей, / \tilde{a} / перешло в промежуточный между [а] и [е] звук¹², который фонологически должен рассматриваться как новая фонема / \tilde{a}_1 /¹³.

С изменением / \tilde{a} / связывается изменение фонемы / \tilde{a} / . В литературе оба эти изменения очень часто обозначаются термином „вторая палатализация“ (англ. *the second fronting*, нем. *die zweite Aufhellung*). При этом говорится, что / \tilde{a} / было палатализовано до звука [æ] или до звука „близкого“ [æ]¹⁴.

Разнобоем отличается и датировка второй палатализации. Согласно пониманию Бюльбринга, сужение / \tilde{a} / означало дальнейшее и непосредственное продолжение палатализации герм. / \tilde{a} /¹⁵. Луик датировал ее V веком, помещая в своей таблице хронологических изменений непосредственно перед умлаутом на i^{16} . Со столь ранней датой не согласен Кун. Он доказывает, что вторая палатализация относится к изменениям VIII—IX вв.¹⁷

Сужение / \tilde{a} / и связанная с ним палатализация / \tilde{a} / предполагается не только для кентского, но и для некоторых мерсийских диалектов. Более того, так как в мерсийском данное явление засвидетельствовано значительно пол-

¹⁰ K. Luick, Указ. соч., § 117, 135. 2, 142 Anm.; E. Sievers—K. Brunner, Указ. соч., § 17, 21, 55 Anm., 62, 97 Anm. 1; K. Bülbring, Elementarbuch, § 96, 167; R. Jordan, Handbuch der mittelenglischen Grammatik, Heidelberg, 1925, § 48; Joseph and Mary Wright, An Old English Grammar, London, 1934, § 119, 134; A. Campbell, OE Grammar, § 128, 152; Ero же, An Old English Will, JEGP (“The Journal of English and Germanic Philology”), Vol. XXXVII, No 2, 1938, p. 147; E. Wardale, An Introduction to Middle English, London, 1937, § 36; А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, Москва, 1955, § 88, 101. 8.

¹¹ E. Sievers—K. Brunner, Указ. соч., § 52; K. Brunner, История английского языка. т. I, Москва, 1955, стр. 178; R. Huchon, Histoire de la langue anglaise, T. I, Paris, 1923, p. 170—171; F. Mossé, Manuel de l'anglais du moyen âge, II, Moyen-anglais, T. I, Aubier, 1949, § 24, Remarque; E. Wardale, Указ. соч., § 51; А. И. Смирницкий, Указ. соч., § 88.

¹² K. Bülbring, Elementarbuch, § 91; Ero же, E and Æ in the Vespasian Psalter, An English Miscellany presented to Dr. Furnivall in honour of his seventy-fifth birthday, Oxford, 1901, p. 34—45; K. Luick, Указ. соч., § 180; R. Jordan, Указ. соч., § 32.

¹³ Sh. Kuhn, On the Syllabic Phonemes of Old English, “Language”, Vol. XXXVII, No 4, 1961, p. 537—538. В более ранних своих работах Кун говорил о слиянии / \tilde{a} / > / \tilde{e} / . См. Sh. Kuhn, E and Æ in Farman's Mercian Glosses, PMLA (“Publications of the Modern Language Association of America”), Vol. LX, No 3, 1945, p. 639—640; Ero же, The dialect of the Corpus Glossary, PMLA, Vol. LIV, No 1, 1939, p. 15.

¹⁴ K. Luick, Указ. соч., § 178, 179.

¹⁵ K. Bülbring, Vespasian Psalter, p. 35.

¹⁶ K. Luick, Указ. соч., § 291, 181.

¹⁷ Sh. Kuhn, Corpus Glossary, p. 16—17.

нее большим числом форм, оно и рассматривается в первую очередь по отношению к этому диалекту. Для кентского, как правило, только предполагается более или менее аналогичное развитие $|\tilde{a}|$ и $|\tilde{d}|$. Существует также точка зрения, которая вообще отрицает эту аналогию. Такую позицию, в частности, занимает Кэмпбелл. Понимание мерсийской второй палатализации Кэмпбелл явно позаимствовал у Луика. Кентское сужение $|\tilde{a}|$ он связывает с сужением $|\tilde{a}^2|$ в этом диалекте и относит его к периоду после умлаута на i^{18} .

Недавно появилась статья Болла, являющаяся пока что единственным, сравнительно большим фонологическим исследованием второй палатализации в мерсийском диалекте¹⁹. Болл исходит из предположения о наличии двух основных аллофонов в фонеме, которая развилась из зап. герм. $|\tilde{a}|$: слегка веляризованного варианта [a] перед задними гласными и слегка повышенного варианта [e] в других положениях. Данному этапу — как в мерсийском, так и в других диалектах — должны соответствовать формы типа *deg, *dagōs, *ald, *aldirō, *beddi-, *farið²⁰. Умлаут на i и одновременное перераспределение звуков, вызванное, как склонен считать Болл, возникновением новых звуков в результате умлаута и, притом, происшедшее по-разному в мерсийском и в других диалектах, подвергли эти формы следующим изменениям: *deg, *dagas, *ald, *aldra, *bedd, *fereð (в результате i -умлаута); deg, dagas, ald, aldra, bedd, -fereð (в результате перераспределения звуков в Веспасианском псалтыре); dag, dagas, ald, aldra, bedd, fereð (в результате перераспределения в нортумбрийском диалекте).

Болл, таким образом, считает, что при его трактовке понятие второй палатализации становится лишним, так как она на самом деле означает перераспределение звуков, которое имело место одинаково во всех диалектах и только отличалось по своим результатам.

Следует упомянуть статью Декампа²¹, в которой делается попытка объяснить сужение $|\tilde{a}|$ в кентском методом лингвистической географии. Основную роль теория Декампа отводит фризскому влиянию. Сужение $|\tilde{a}^2| > |\tilde{e}|$, i -умлаут, в результате которого появилось $|\tilde{a}^2|$ (< герм. $|ai| + i, j$), сужение $|\tilde{a}| > |\tilde{e}|$, делябиализация $|\tilde{y}| > |\tilde{e}|$, сужение $|\tilde{a}^2| > |\tilde{e}|$, согласно этой теории, являются фризскими инновациями, которые проникли в Кент благодаря его, как предполагается, тесным связям с Фризией и распространились в дальнейшем на другие части германской Англии. Все эти изменения должны были иметь место в течение VII—VIII вв.

Декамп совершенно прав, когда он предполагает появление основных диалектальных различий в древнеанглийском лишь после переселения на остров. Но он совершенно неудовлетворительно объясняет эти различия лишь как

¹⁸ A. Campbell, OE Grammar, § 164—169, 288—290.

¹⁹ C. J. E. Ball, Mercian "Second Fronting", „Archivum Linguisticum“, Vol. XIV, fasc. 2, 1962, p. 130—145. Вопрос сужения кентского $|\tilde{a}|$ в статье не рассматривается, так как Болл, подобно Кэмпбеллу, считает его более поздним и, следовательно, иного рода фонологическим изменением.

²⁰ Предполагая наличие форм типа *farið, Болл, как он и сам указывает, тем самым предполагает фонолизацию аллофонов [e] и [a].

²¹ D. DeCamp, The Genesis of the Old English Dialects, „Language“, Vol. XXXIV, No 2, 1958, p. 232—244.

результат заимствования особенностей фризского вокализма одними диалектами и сохранения старого вокализма другими диалектами. Все его предположения свидетельствуют об игнорировании им структурных факторов, обусловивших эти изменения. Более того, предположение, что даже *i*-умлаут явился прежде всего результатом воздействия одних языков и диалектов на другие, может свидетельствовать лишь о непонимании фонологической сущности таких изменений. Декамп явно не учитывает возможность параллельного развития.

Нет никаких оснований подвергать сомнению правильность общепринятой точки зрения, согласно которой сущность развития $|\bar{a}^1|$ и $|\bar{a}^2|$ заключается в сужении и слиянии с $|\bar{e}|$. Прежде всего, отсутствие орфографического разграничения рефлексов герм. $|\bar{a}^1|$, $|ai| + i, j$ и $|\bar{e}^2|$ в кентских памятниках нельзя объяснить иначе, как то, что это результат их фонологического слияния. Беспорядочное употребление знаков *a* и *e* или употребление одного *e* говорит об отсутствии в кентском фонологическом противопоставлении между рефлексами герм. $|\bar{a}^1|$, $|ai| + i, j$, $|\bar{e}^2|$ так же, как являющееся правилом написание через букву *a* рефлексов герм. $|\bar{a}^1|$, $|ai| + i, j$, через букву *e* рефлексов герм. $|\bar{e}^2|$ в узсесском свидетельствует о наличии фонологического противопоставления $|\bar{a}| - |\bar{e}|$; соответственно в английских диалектах противопоставление $|\bar{a}| - |\bar{e}|$ засвидетельствовано написаниями через букву *a* рефлексов герм. $|ai| + i, j$, через букву *e* рефлексов герм. $|\bar{e}^1|$, $|\bar{e}^2|$. Вытеснение буквой *e* буквы *a*, конечно, показывает, что рефлексы герм. $|\bar{e}^1|$, $|ai| + i, j$, $|\bar{e}^2|$ слились в фонеме $|\bar{e}|$. Кроме орфографии, это слияние подтверждается также некоторыми другими — лингвистическими — фактами. Во-первых, рефлексы герм. $|\bar{a}^1|$ в положении преломления в кентском и английских диалектах, как известно, дали $|\bar{e}o|^{22}$, что свидетельствует о тождестве этих рефлексов с фонемой $|\bar{e}|$: *neor* гр. 38/11, *nior* Глоссы Беды 33 < **nēohur*; *-neolaced* Весп. пс. 63/7, *neolicað* 26/2 < **nēohlāc*;

neoweste Весп. пс. 21/12; 94/10 < **nēohwist*.

Во-вторых, подвергшись древнеанглийским сокращениям, рефлексы герм. $|\bar{a}^1|$, $|ai| + i, j$ в кентском давали $|\bar{e}|$, в противоположность другим диалектам, где $|\bar{a}|$ (< $|\bar{a}^1|$, $|\bar{a}^2|$) сокращалось в $|\bar{a}|$ и в конечном счете давало $|\bar{a}|^{23}$.

Самые большие трудности в нашем исследовании представляет так называемая вторая палатализация и сущность изменения фонемы $|\bar{a}|$ является, пожалуй, одним из самых трудных аспектов этого вопроса. По ряду соображений мы предпочитаем и принимаем ту точку зрения, согласно которой $|\bar{a}|$ в кентском подверглось сужению и слилось с $|\bar{e}|$, а не дало новую фонему $|\bar{a}_1|^{24}$. Во-первых, кентское изменение фонемы $|\bar{a}|$ отразилось на орфографии так же сильно, как и изменение фонем $|\bar{a}^1|$, $|\bar{a}^2|$. Во многих грамотах знаки *a* и *e* при обозначении фонемы $|\bar{a}|$ употребляются беспорядочно, или уже здесь знак *a* уступает место знаку *e*, который в среднекентском стал

²² К. Luick, Указ. соч., § 135; A. Campbell, OE Grammar, § 152.

²³ К. Luick, Указ. соч., § 363.

²⁴ Мы обозначаем предполагаемую фонему знаком Куна. См. Sh. Kuhn, Phonemes of OE. p. 526.

единственным обозначением рефлексов фонемы $|\tilde{a}|$. Если считать, что $|\tilde{a}|$ слилось с $|\tilde{e}|$, эта особенность кентской орфографии вполне понятна. Если же предполагать возникновение новой фонемы $|\tilde{a}_{\perp}|$, с точки зрения адекватности письма отказ от разграничения рефлексов $|\tilde{a}|$ и $|\tilde{e}|$ трудно объяснить. Ведь фонологическое противопоставление $|\tilde{a}_{\perp}| - |\tilde{e}|$ было бы не менее важно обозначать, чем противопоставление $|\tilde{a}| - |\tilde{e}|$. Нет сомнений, что изменение $|\tilde{a}| > |\tilde{a}_{\perp}|$ не нашло бы никакого отражения в орфографии: буква *a*, которая раньше обозначала фонему $|\tilde{a}|$ (и продолжала ее обозначать в уэссекском), после сужения стала бы обозначать фонему $|\tilde{a}_{\perp}|$, т.е. здесь обязательно произошло бы простое переосмысление знака. Нет сомнения, что для возникновения предположений о сужении $|\tilde{a}|$ до звука, промежуточного между $[a]$ и $[e]$, большое значение имело продолжавшееся долгое время совместное употребление знаков *a* и *e*²⁵. Поэтому здесь будет уместно объяснить это употребление. Так как фонема $|\tilde{e}|$ во всех древнеанглийских диалектах писалась, как правило, через букву *e*, кентские слова, первоначально содержавшие фонему $|\tilde{a}|$, после изменения $|\tilde{a}| > |\tilde{e}|$ должны были писаться тоже через букву *e*: *ester, deg, hebbe, festnie, gef* etc. Но эти слова под влиянием инодиалектальных — прежде всего уэссекских — форм могли писаться и через букву *a*: *after, dag, habbe* etc.

Так в кентском буквы *a* и *e* стали аллографами, и поэтому *a* могло употребляться также для обозначения этимологического $|\tilde{e}|$ (< герм. $|\tilde{e}|$): *gafe, swastar, wargeld* и т.п.

Во-вторых, возникновение новой фонемы $|\tilde{a}_{\perp}|$ крайне маловероятно, если исходить из состава фонем. Это очень веский аргумент в пользу слияния $|\tilde{a}| > |\tilde{e}|$, который, однако, упускается из виду. Так как в данном случае речь идет о возможности перехода фонемы $|\tilde{a}|$ с наибольшей степени раскрытия в положение меньшей степени раскрытия, этот вопрос можно рассматривать, совсем не касаясь типа корреляции между сериями²⁶, притом можно ограничиться сериями $|i \tilde{e} \tilde{a}|$ и $|\tilde{u} \tilde{o} \tilde{a}|$, независимо от наличия или отсутствия других серий в момент изменения. Возникновение новой фонемы $|\tilde{a}_{\perp}|$ означало бы перестройку системы

$ i $	$ \tilde{u} $
$ \tilde{e} $	$ \tilde{o} $
$ \tilde{a} $	$ \tilde{a} $

в систему

$ i $	$ \tilde{u} $
$ \tilde{e} $	$ \tilde{o} $
$ \tilde{a}_{\perp} $	
	$ \tilde{a} $,

²⁵ См. К. Luick, Указ. соч., § 181.

²⁶ В этой работе мы придерживаемся определения серий и рядов, данного А. Мартине: «серией» называется совокупность фонем, которые характеризуются одним и тем же типом резонирующей полости, но различаются по степени открытости рта; «рядом» называется совокупность фонем, характеризующихся одной и той же степенью открытости рта, но различающихся по типу резонирующей полости (См. А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, Москва, 1960, стр. 97).

т.е. установление оппозиции по степени раствора между фонемами $|\tilde{a}|$ и $|\tilde{a}'|$. Слияние $|\tilde{a}'| > |\tilde{e}'|$ означало бы перестройку первоначальной системы в систему

$ \tilde{y} $	$ \tilde{u} $
$ \tilde{e}' $	$ \tilde{o}' $
$ \tilde{a}' $	

Нельзя не видеть, что в парадигматическом ряду не было никаких предпосылок для возникновения новой фонемы. В рамках исходной системы не было пустых клеток, которые такая фонема могла бы занять, поэтому легче предполагать слияние $|\tilde{a}'| > |\tilde{e}'|$, чем развитие $|\tilde{a}'| > |\tilde{a}'_{\perp}|$. Образование фонемы $|\tilde{a}'_{\perp}|$ фактически означало бы образование нового ряда. Эта фонема не имела бы коррелятов в других сериях и в системе долгих, была бы слабо включена в систему. Будучи изолированной, она не могла бы быть устойчивой. Следовательно, если даже такая фонема и возникла бы, вряд ли она могла бы сохраниться на протяжении всего древнеанглийского и среднеанглийского периодов.

В-третьих, существование $|\tilde{a}'_{\perp}|$ не удастся доказать никакими диахроническими фактами, а если такие факты и приводятся, нельзя считать их толкование правильным. Так, Луик пытался доказать отличие $|\tilde{e}'|$ от гласного, возникшего в результате второй палатализации $|\tilde{a}'|$, ссылаясь на *i*-умлаут²⁷. Он считает, что $|\tilde{a}'|$ в таких словах кентского и некоторых мерсийских диалектов, как *mere* < **mæri*, *here* < **hæri*, *bed(d)* < **bæddi* сперва подверглось второй палатализации, а потом умлаутировалось в $|\tilde{e}'|$. По мнению Луика, результаты *i*-умлаута и доказывают, что гласный, возникший по второй палатализации, не был тождествен $|\tilde{e}'|$, потому что последний умлаутировался бы в $|\tilde{i}'|$.

Луик был бы прав, если было бы доказано, что вторая палатализация предшествовала *i*-умлауту. Но в кентском нет никаких фактов, которые противоречили бы предположению, что вторая палатализация произошла после умлаута на *i*, т.е. что **mæri*, **hæri*, **bæddi* по *i*-умлауту дали формы *mere*, *here*, *bed(d)*, которые сохранились до исторического периода.

Часто говорится, что в XIV в. кентское $|\tilde{e}'|$ (< $|\tilde{a}'|$) > $|\tilde{a}'|$, что тоже рассматривается как доказательство его отличия от $|\tilde{e}'|$ другого происхождения²⁸. Прежде всего, нужно иметь ввиду одно важное обстоятельство: с XIV веком кончаются кентские письменные памятники, и мы, таким образом, лишаемся основного источника материала для наших исследований. Как известно, это связано, в первую очередь, с распространением лондонского литературного языка, вытеснившего местные диалекты²⁹. Из-за отсутствия памятников мы можем очень мало что сказать о кентских формах позже XIV в. Тем не менее вполне допустимо, что многие кентские слова, ранее содержавшие $|\tilde{e}'|$ (< $|\tilde{a}'|$) к новоанглийскому периоду уже имеют $|\tilde{a}'|$. Ведь еще среднекентское

²⁷ K. Luick, Указ. соч., § 189, Anm. 3. См. также A. Campbell, OE Grammar, § 195.

²⁸ K. Luick, Указ. соч., § 364; R. Jordan, Указ. соч., § 32; Sh. Kuhn, Phonemes of OE, p. 534.

²⁹ Б. А. Ильиш, История английского языка, Москва, 1958, § 414.

Ayenbite of Inwyt пишет *uader* (др. а. *fǣder*), 8, 11, 12 и др., *day* (др. а. *dǣg*) 7, 13, 41, 45, *dayes* род. ед. 112, 262, *daye* дат. ед. 7, 13, 14, 18, *smal* (др. а. *smǣl*) 74, 82, 102 и др., *hwader* (др. а. *hwǣþer*) 51 и т.п. Есть все основания предполагать, что такие написания отражают истинное произношение приведенных слов. Но из этого отнюдь не следует, что замена *|ē|* (< *|ǣ|*) на *|ā|* представляет собой фонологическое изменение *|ē|* (< *|ǣ|*) > *|ā|*. Эта замена могла, конечно, наблюдаться в течение всего среднеанглийского периода, становясь к новоанглийскому лишь более всеобщим явлением. С одной стороны, это результат аналогичного выравнивания парадигмы, в которой встречалось чередование *|ē|* — *|ā|*, продолжающее древнеанглийское чередование *|ǣ|* — *|ā|*, устраненное в других диалектах несколько веков раньше вследствие слияния *|ǣ|* > *|ā|*; с другой стороны, это результат воздействия инодиалектальных форм, прежде всего лондонского литературного языка. Оба процесса способствовали друг другу: как более интенсивному выравниванию парадигмы — при том в пользу *|ā|* — способствовало влияние других диалектов, так наличие внутри самой кентской парадигмы форм с *|ā|* помогало другим диалектам оказывать сильное влияние на формы с *|ē|*. Конечно, под влиянием других диалектов фонема *|ā|* могла вытеснить фонему *|ē|* даже если последняя в кентском проходила через всю парадигму. Яркий пример этому слово *vader* (др. кент. *fēder*). Влияние других диалектов — точнее, лондонского литературного языка — было, безусловно, решающим фактором при устранинии *|ē|* из слов, где оно восходило к *|ǣ|*. Насколько такое влияние может быть сильным, показывает пример устраниния других кентских особенностей, например, *|ē|* (< *|ǣ|*), начальных *|v|* (< *|f|*), *|z|* (< *|s|*). В современном диалекте такие слова, как *bridge, bristle, cripple, did, dip, dizzy, kiss, knit, listen, midge, ridge, billow, fill, hill, kiln, sin* имеют *|i|*, хотя здесь должно быть *|ē|* (< *|ǣ|*). Это может быть лишь результат фонологической субституции *|ē|* (< *|ǣ|*) через *|i|* под влиянием литературного языка. По той же причине в современном кентском диалекте начальный согласный *|f|*, *|s|*, а не *|v|*, *|z|* в таких словах, как *face, fall, far, father, sad, say, sea, see* etc.³⁰

Многие исследователи совершенно справедливо считают, что для решения вопроса о сущности изменения *|ǣ|* мало чем могут помочь кентские диалектальные формы современного английского языка. Прежде всего, учитывая сильное влияние литературного языка, нужно ожидать, что многие диалектальные особенности уже давно утрачены. Самое главное, что нет достоверного источника современных кентских форм. Капитальные труды Райта "*The English Dialect Dictionary*" и "*The English Dialect Grammar*", созданные в дофонологический период, явно не могут служить целям исследования истории др. а. *|ǣ|*. Райт предполагает наличие *[e]* наряду с *[æ]* не только в словах, гласный которых восходит к др. а. *|ǣ|* (слова типа *cap* < др. а. *cǣppe*, *clap* < др. а. *clapp-*, *back* < др. а. *bǣc*), но и в словах, гласный которых восходит к др. и ср. а. *|ā|* (слова типа *cat* < др. а. *cāt(t)*, *wag* < ск. *wāggen*, *can* < др. а. *cānne*, *gander* < др. а. *gāndra*, *catch* < ср. а. *cachen*, др. сев. фр. *cāchier*). К тому же он предполагает, что в некоторых частях кентского др. а. *|ē|* >

³⁰ J. Wright, *The English Dialect Grammar*, Oxford, 1923. § 109, 278. 320; Его же, *The English Dialect Dictionary*, Oxford, 1923.

[æ] (слова типа *beg, best, edge, nettle*)³¹. Все это, должно быть, свидетельствует о неточности транскрипции Райта и о том, что его подход очень далек от фонологического. Конечно, весьма даже возможно, что колебания в транскрипции в какой-то мере отражают нечеткость фонологического противопоставления $|\tilde{e}| - |\tilde{æ}|$ в кентском диалекте современного английского языка. Но так или иначе, по формам Райта нельзя разграничить рефлексы др. а. $|\tilde{æ}|$, $|\tilde{ā}|$, $|\tilde{e}|$ и, таким образом, нельзя воссоздать их предисторию.

Вторая палатализация $|\tilde{ā}|$ орфографически засвидетельствована только в некоторых мерсийских диалектах, при том наиболее последовательно в диалекте Веспасианского псалтыря. В Веспасианском псалтыре встречаются многочисленные формы типа *dægas* 41/11, 7/12, 33/13 и др., *hraece* (др. уэсс. *hrāce*) 5/11, *swæcede* (др. уэсс. *swācian*) 17/8, где знаки *æ*, *ae*, *ē* вместо *a*, как это впервые истолковал Зиверс, свидетельствуют о палатализации $|\tilde{ā}|$ ³². Для кентских памятников такие написания нехарактерны. Но большинство ученых предполагают вторую палатализацию и для кентского диалекта. Эти предположения подтверждаются, в основном, наличием в кентском веллярного умлаута от $|\tilde{ā}|$, который считается возможным только при условии второй палатализации³³, с чем нельзя не согласиться. Дифтонг $|\tilde{æ}a|$, фонетически представляющий собой звук скольжения от передней артикуляции к задней артикуляции, т.е. [æa], мог, конечно, возникнуть лишь в результате веллярного воздействия на передний гласный [æ]. Судя по тому, что вследствие палатализации $|\tilde{ā}|$ не произошло его слияния с $|\tilde{æ}|$, нужно предполагать, что еще раньше произошло слияние $|\tilde{æ}| > |\tilde{e}|$ ³⁴. Если мы учтем, какие структурные сдвиги повлекло за собой изменение $|\tilde{æ}| > |\tilde{e}|$, нам станет ясна и фонологическая сущность изменения $|\tilde{ā}|$. Вследствие перехода $|\tilde{æ}| > |\tilde{e}|$ — так как он был универсальным — в наибольшей степени раскрытия $|\tilde{ā}|$ осталось единственной фонемой. Поэтому для $|\tilde{ā}|$ ни положение языка, ни огубленность не являлись фонологически релевантными. Следовательно, если говорить о палатализации $|\tilde{ā}|$ в кентском, о которой свидетельствует веллярный умлаут, ее нужно понимать лишь как появление передних аллофонов [æ] у данной фонемы. В том-то и заключается принципиальная разница между второй палатализацией $|\tilde{ā}|$ и второй палатализацией $|\tilde{ā}|$, что первое означает фонологическое слияние $|\tilde{æ}| > |\tilde{e}|$, а второе — лишь появление новых аллофонов у фонемы $|\tilde{ā}|$ в связи с увеличением зоны безопасности ее рассеивания.

* * *

Вопрос о датировке сужения $|\tilde{æ}^1|$, $|\tilde{æ}^2|$, $|\tilde{æ}|$ сводится, в основном, к установлению относительной хронологии между сужением и другими древнеанглийскими изменениями. Еще в традиционных работах было твердо установлено, что сужение $|\tilde{æ}^1|$ предшествовало преломлению, и нам остается лишь повторить их аргументацию³⁵. Что сужение $|\tilde{æ}^1|$ — как в кентском, так и в

³¹ J. Wright, *Dialect Grammar*, § 2. 5, 22, 23, 50, 51, 198.

³² K. Luick, *Указ. соч.*, § 179.

³³ K. Luick, *Указ. соч.*, § 231.

³⁴ R. Girvan, *Angelsaksisch Handboek*, Haarlem, 1931, s. 83.

³⁵ K. Luick, *Указ. соч.*, § 142 Anm., 135.2.

английских диалектах — было завершено к периоду преломления, доказывают формы, сохранившие результаты преломления от рефлексов герм. $|\tilde{e}^2|$. Если уэсс. *neah*, *near* < **nēahor*, *nealæcan* < **nēahlæcan*, *neawest* < **nēahwist* при преломлении имели $|\tilde{a}|$, то кент. *neor* гр. 38/11, *nior* Глоссы Беды 33 < **nēohur*, англ. *-neolaeced* Весп. пс. 63/7 < **nēohlæc-*, *neoweste* Весп. пс. 21/12, 94/10 < **nēohwist* имели уже $|\tilde{e}|$. С другой стороны, эти формы явно противоречат предположению Декампа, что сужение $|\tilde{a}^2|$ имело место в фризском в VI или VII вв. и только тогда узкое $|\tilde{e}|$ (< $|\tilde{a}^2|$) было заимствовано кентским и другими диалектами³⁶. Сужение $|\tilde{a}^2|$ в праанглийских диалектах относится, таким образом, к континентальному периоду. Оно могло быть тем первым изменением, в результате которого предуэссекский составом фонем стал отличаться от других праанглийских диалектов.

С другой стороны, $|\tilde{a}^2|$ (которое тогда представляло собой единственную ротовую фонему наибольшей степени раскрытия $|\tilde{a}^2|$) в предкентском как и в предуэссекском должно было играть определяющую роль при стяжении герм. $|\tilde{a}i| > |\tilde{a}|$ ³⁷.

Сужение $|\tilde{a}^2|$ произошло в период, границы которого можно определить более четко, чем границы сужения $|\tilde{a}^2|$. Само собой разумеется, что одной из этих границ служит изменение VI в. — умлаут на *i*, в результате которого $|\tilde{a}^2|$ возникло. Другой границей можно взять время появления письменных памятников, орфографические особенности которых уже указывают на слияние $|\tilde{a}^2| > |\tilde{e}|$. Формы с рефлексом герм. $|\tilde{a}i| + i, j$ случайно не оказались в самых ранних грамотах, поэтому следов слияния $|\tilde{a}^2| > |\tilde{e}|$ можно искать только в грамотах IX в. Нет никакого сомнения, что лишь благодаря простой случайности или инодиалектальному влиянию рефлекс герм. $|\tilde{a}i| + i, j$ пишется только через *a* в грамоте 33 (содержащей один пример) и в грамоте 34 (см. стр. 194). Ведь грамоты 37, 41, которые тоже относятся к первой половине IX в., не разграничивают $|\tilde{a}^2|$ и $|\tilde{e}|$ так же, как $|\tilde{a}^2|$ и $|\tilde{e}|$. Слияние $|\tilde{a}^2| > |\tilde{e}|$ подтверждают, конечно, и грамоты второй половины IX в. Исходя из сказанного можно заключить, что сужение $|\tilde{a}^2|$ произошло не позже VIII в.

При установлении относительной хронологии второй палатализации, важнее всего будет определить ее отношение к умлауту на *i*.

Прежде всего, если исходить из параллелизма развития долгих и кратких гласных, особенно во всем заметного в ранние периоды истории английского языка (ср. изменения $|\tilde{e}o| > |\tilde{t}o|$, $|\tilde{y}| > |\tilde{e}|$, $|\tilde{b}| > |\tilde{e}|$ в кентском), можно предполагать, что $|\tilde{a}|$ подверглось сужению приблизительно одновременно с сужением $|\tilde{a}^2|$, т.е. после умлаута на *i*.

Кун относил вторую палатализацию к периоду после умлаута на *i* исходя из ее тесной связи с велярным умлаутом³⁸. Конечно, тот факт, что вторая палатализация $|\tilde{a}|$ была необходимой предпосылкой для велярного умлаута

³⁶ См. D. De Ca n p. Указ. соч., р. 240.

³⁷ О стяжении герм. $|\tilde{a}i| > |\tilde{a}|$ и о парадигматических факторах, определивших это стяжение, см. Y. K р u p a l k i n, On the development of Germanic *ai* in Anglo-Frisian. „Casopis pro moderní filologii; Philologica“, IX, 4, 1957, p. 49—50

³⁸ Sh. K u h n. Corpus Glossary, p. 12—15.

от этой фонемы, еще не доказывает, что одно изменение последовало вскоре после другого. Но Кун видел подтверждение своему предположению о том, что вторая палатализация и велярный умлаут стоят близко во времени, в некоторых орфографических особенностях Согрус-глосс. Как известно, анализ в Согрус-глоссах орфографического обозначения гласных, подверженных действию велярного умлаута, показывает, что $a \quad ea=2:1$, в то время когда $i, e : io, eo = 1:2$. Из этого Кун делает вывод, что умлаут от $|\tilde{a}|$ произошел позже, чем от $|i|, |e|$. Велярный умлаут от $|\tilde{a}|$, считает Кун, могло затянуть лишь позднее осуществление второй палатализации. Другими словами, сперва должен был начаться процесс дифтонгизации $|i|, |e|$, под влиянием задних гласных, потом произошла вторая палатализация $|\tilde{a}|$ в результате которой $|\tilde{a}|$ в свою очередь подверглось палатализации, и только тогда произошел велярный умлаут и от последней фонемы.

Предположение Куна о предшествовании велярного умлаута от $|i|, |e|$ умлауту от $|\tilde{a}|$ нам кажется вполне правдоподобным. Больше количество обозначения дифтонгов $|io|, |eo|$ (< $|i|, |e|$ +задний гласный), чем $|\tilde{ea}|$ (< $|\tilde{a}|$ +задний гласный) как будто действительно указывает на то, что практика обозначать эти фонемы установилась отнюдь не одновременно. А из этого в свою очередь можно заключить, что по велярному умлауту $|\tilde{ea}|$ появилось позже, чем $|io|, |eo|$ ³⁹. Конечно, нельзя преувеличивать вескость такого аргумента. Например, в грамотах 4, 5, 7 остались без обозначения дифтонги $|\tilde{eo}|, |\tilde{ea}|$, возникшие по преломлению, хотя в одном случае велярный умлаут от $|\tilde{a}|$ обозначен (*theabul* гр. 5/7). Из этого, однако, нельзя делать вывод, что преломление было недавним изменением.

Следовало бы ожидать, что при установлении относительной хронологии второй палатализации и умлаута на i , прежде всего должны помочь формы, в которых $|\tilde{a}|$ и $|\tilde{a}|$ находились первоначально перед $|i j|$. Как можно судить по засвидетельствованным древнекентским формам, а также рефлексам этих форм в среднекентском, совместное действие i -умлаута и второй палатализации привело к тому, что как $|\tilde{e}|$, так и $|\tilde{a}|$ в положении умлаута на i в конечном счете дали $|\tilde{e}|$, например, *bed(d)* < **bæddi*, *herfest* < **harubist*. Возникает вопрос, в какой последовательности могли происходить эти два изменения, чтобы исходные формы типа **bæddi*, **harubist* дали бы фактически встречаемые формы типа *bed(d)*, *herfest*. Поместив i -умлаут перед второй палатализацией, мы действительно легко приходим от **bæddi*, **harubist* к *bed(d)* *herfest*:

³⁹ Такой вывод не противоречит фонологическому пониманию велярного умлаута. С фонологической точки зрения велярный умлаут означает синтагматическое расщепление фонем $|i|, |e|, |\tilde{a}|$: их аллофоны перед задними гласными слились с краткими дифтонгами $|io|, |eo|, |\tilde{ea}|$. Это случай перераспределения фонем (см. М. И. Стеблин-Каменский, Что такое умлаут? Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языкознания, Москва, 1959, стр. 56). Редукция гласных не была необходимым условием для велярного умлаута. Поэтому аллофоны $|i|, |e|$ должны были совпасть с $|io|, |eo|$ необязательно одновременно с совпадением аллофонов $|\tilde{a}|$ с $|\tilde{ea}|$.

* <i>dæg</i>	* <i>bæddi</i>	* <i>harubīst</i>	<i>dagas</i> (исходные формы),
* <i>dæg</i>	<i>bed(d)</i>	* <i>hærfest</i>	<i>dagas</i> (<i>i</i> -умлаут),
<i>deg</i>	<i>bed(d)</i>	<i>herfest</i>	<i>dagas</i> (вторая палатализация).

Против такой последовательности изменений возражал Луик, но в пользу приоритета второй палатализации он мог выдвинуть лишь один аргумент — формы Веспасианского псалтыря типа *fællan* < **falljan*, *ældra* < **aldira*. Согласно мнению Луика, эти формы могли сохранить $|\tilde{a}|$ (< $|\tilde{a}| + i, j$) только в том случае, если вторая палатализация произошла рано и таким образом не могла затронуть более позднего $|\tilde{a}|$, возникшего в результате *i*-умлаута⁴⁰. Для нас имеет отнюдь немаловажное значение тот факт, что предположение Луика о предшествовании второй палатализации *i*-умлауту основано лишь на свидетельстве мерсийских форм типа *fællan*, *ældra*, вследствие чего ранняя датировка второй палатализации в кентском остается совсем неаргументирована: кентские соответствия будут *fellan* < **fealljan*, *eldra* < **ealdira*.

Сам Луик признает, что он датирует вторую палатализацию в кентском лишь по аналогии с мерсийским диалектом. Не может быть никакого сомнения в том, что очень важно учитывать возможность аналогичного развития фонем $|\tilde{a}|$ и $|\tilde{a}'|$ в обоих диалектах, особенно если иметь в виду скудность кентских форм. Тем не менее значительно важнее исходить прежде всего из кентского материала, а кентские формы сами по себе не только не противоречат предположению, что вторая палатализация произошла после *i*-умлаута, но и легче всего поддаются объяснению при такой последовательности изменений. Поэтому если даже формы *fællan*, *ældra* неопровержимо доказывали бы, что в диалекте Веспасианского псалтыря вторая палатализация не могла произойти после *i*-умлаута, нельзя было бы считать, что она тем самым не могла произойти после и в кентском. Однако вслед за Куном мы считаем, что и в диалекте Веспасианского псалтыря, несмотря на свидетельство форм *fællan*, *ældra*, вторая палатализация произошла после умлаута на *i*. В этом диалекте исходные формы

**dæg*, **bæddi*, **harubīst*, **falljan*, *fallan*, **dagas*

по *i*-умлауту дали

**dæg*, *bed(d)*, **hærfest*, *fællan*, *fallan*, **dagas*.

В дальнейшем, в результате второй палатализации, **dæg*, **hærfest*, аналогично развитию этих форм в кентском, перешли в фактически встречаемые формы *deg*, *herfest*. Формы *fællan*, *fallan* остались без изменения. Кун совершенно оправдано связывает отсутствие сужения $|\tilde{a}|$ в *fællan* с отсутствием палатализации $|\tilde{a}'|$ в *fallan* и объясняет как то, как и другое, влиянием группы $|| + \text{согласный}$, т.е. он усматривает здесь случай позиционно обусловленного сохранения $|\tilde{a}|$ и $|\tilde{a}'|$ ⁴¹. В связи с тем, что ни $|\tilde{a}|$, ни $|\tilde{a}'|$ перед $|| + \text{согласный}$ не подверглись изменению, т.е. в связи с сохранением фонологического

⁴⁰ K. Luick, Указ. соч., § 189.

⁴¹ Sh. Kühn, Corpus Glossary, p. 16—17.

противопоставления $|\tilde{a}| - |\tilde{a}'|$. Вторая палатализация $|\tilde{a}'|$ в мерсийских диалектах означает не просто появление передних аллофонов $[\tilde{a}']$, а перераспределение фонем $|\tilde{a}|$ и $|\tilde{a}'|$. В связи с изменением $|\tilde{a}| > |\tilde{e}'|$, имевшем место во всех положениях за исключением $||\text{л}|$, $||\text{л}| + \text{согласный}$, на противопоставление $|\tilde{a}| - |\tilde{a}'|$ падала исключительно низкая функциональная нагрузка. Поэтому передние аллофоны $|\tilde{a}'|$ могли легко отождествляться с $|\tilde{a}|$, что и произошло в скором времени, за исключением позиции $||\text{л}|$, $||\text{л}| + \text{согласный}$. Так фонема $|\tilde{a}'|$ уступила место фонеме $|\tilde{a}|$ в таких словах, как **dagas > dagas*, **fatu > fætu (> featu)*, **hafuc > hæfuc (> heafoc)*, **faran > færan (> fearan)* и сохранилась лишь в словах типа *fallan*, *ald*. Развитие мерсийских форм, протерпевших *i*-умлаут и вторую палатализацию, можно, следовательно, изобразить таким образом:

**dæg *bæddi *harubist *falljan fallan *dagas*
(исходные формы),

**dæg bed(d) *hærfest fællan fallan *dagas*
(*i*-умлаут),

deg bed(d) herfest fællan fallan dagas
(фактически встречаемые формы).

Кстати, различная фонологическая сущность второй палатализации $|\tilde{a}'|$ в мерсийском и кентском объясняет, почему в первом диалекте она обозначается, а во втором не обозначается. Так как в кентском вторая палатализация $|\tilde{a}'|$ означала смену аллофонов, она не нашла отражения на письме. Здесь *dagas* продолжало писаться через *a*. Но в мерсийском вторая палатализация $|\tilde{a}'|$ означала перераспределение фонем, поэтому появление фонемы $|\tilde{a}'|$ в *dagas* повлекло за собой изменение графического облика этого слова в *dagas*.

Изложив нашу точку зрения на сущность и время второй палатализации в кентском и, для сравнения, в мерсийском, мы можем несколько слов сказать о трактовке Болла.

Во-первых, Болл совершенно неправ, когда он хочет представить вторую палатализацию в мерсийском как перераспределение звуков, имевшее место и в других диалектах и только отличавшееся своими результатами. Говоря о перераспределении звуков, Болл явно смешивает явления разного характера: слияние и перераспределение фонем с одной стороны, смену и перераспределение аллофонов с другой. На стадии после *i*-умлаута, которую Болл иллюстрирует шестью ключевыми словами **deg*, **dagas*, **ald*, **aldra*, **bedd*, **færed*, звуки $[\tilde{a}]$ и $[\tilde{a}']$, $[\tilde{e}]$ и $[\tilde{e}']$ были, конечно, аллофонами. Изменение этих слов в *dæg*, *dagas*, *ald*, *aldra*, *bedd*, *færed* в нортумбрийском означало бы лишь смену аллофонов: $[\tilde{e}]$ на $[\tilde{a}]$, $[\tilde{a}']$ на $[\tilde{a}]$. Это, конечно, не имеет ничего общего с второй палатализацией в мерсийском, где, как мы видели, имело место перераспределение фонем: там определенные аллофоны $|\tilde{a}'|$ слились с $|\tilde{e}'|$, а с оставшимися аллофонами $|\tilde{a}|$ в свою очередь слились определенные аллофоны $|\tilde{a}'|$. Кроме того, совсем непонятно, на каких основаниях можно предполагать смену аллофонов в нортумбрийском и других диалектах. В нортумбрийском, например, и в исторический период фонема $|\tilde{a}'|$ в слове *dæg* могла быть и, наверное, была представлена другим аллофоном, чем в слове *aldra*.

Во-вторых, появление у фонемы $|\tilde{a}|$ наряду с аллофоном $[e]$ (*deg, fered*) нового аллофона $[æ]$ (*aldra*), никоим образом не должно автоматически повлечь за собой дальнейшее перераспределение фонем и аллофонов.

Поэтому мы вправе считать, что вторая палатализация в кентском и мерсийском произошла после *i*-умлаута приблизительно в одинаковое время, имела, при всех своих различиях, много общего и была, каким-то образом, обусловлена аналогичными причинами.

* * *

Несмотря на то, что сужение $|\tilde{a}^1|$, с одной стороны, и сужение $|\tilde{a}^2|$; $|\tilde{e}|$, с другой, относятся к отдаленным друг от друга периодам истории английского языка и, таким образом, протекали в рамках несходных по своей структуре систем, им способствовали во многом сходные факторы парадигматического ряда. Так, во всех этих случаях имело место устранение наиболее открытого гласного $|\tilde{a}|$. Как указывалось Мартине и М. И. Стеблин-Каменским⁴², гласные больших степеней раскрытия различаются между собой труднее, чем гласные меньших степеней раскрытия. Не может быть никакого сомнения, что для устранения фонологического противопоставления $|\tilde{a}| - |\tilde{e}|$ большую роль сыграла трудность сохранить различия в наибольших степенях раскрытия. Но слияние $|\tilde{a}| > |\tilde{e}|$ одновременно означало и устранение противопоставления $|\tilde{e}| - |\tilde{a}|$. Оказывается, что устранение этого противопоставления в каждом случае имело большое значение для увеличения устойчивости всей системы, потому что после слияния оставшиеся фонологические оппозиции были более однородными, чем те, которые были до слияния. Для того чтобы объяснить сказанное, нам следует обратиться к фонологическим системам соответствующих периодов.

Фонологическую систему „эпохи преломления“, в рамках которой происходило сужение $|\tilde{a}^1| > |\tilde{e}|$, дает Я. Б. Крупаткин⁴³:

$ \tilde{u} $	$ \tilde{a} $
$ \tilde{e} $	$ \tilde{o} $
$ \tilde{a} $	$ \tilde{a} $

Я. Б. Крупаткин имел все основания применить к праанглийскому некоторые выводы, полученные М. И. Стеблин-Каменским при изучении праскандинавской системы гласных. М. И. Стеблин-Каменский, исходя из результатов *i*-умлаута, установил, что в праскандинавском $|\tilde{u}|$, $|\tilde{e}|$ противопоставлялись $|\tilde{a}|$, $|\tilde{o}|$ по признаку лабиальности⁴⁴. В период до *i*-умлаута $|\tilde{u}|$, $|\tilde{e}|$ противопоставлялись $|\tilde{a}|$, $|\tilde{o}|$ по признаку лабиальности и в праанглийском, так как и здесь, если судить по результатам *i*-умлаута, $|\tilde{u}|$, $|\tilde{o}|$ должны были иметь передние аллофоны $[y]$, $[ø]$ и поэтому не могли различаться по

⁴² А. Мартине, Указ. соч., стр. 118, 132, 157; М. И. Стеблин-Каменский, История древненландской фонемы φ , «Научные доклады Высшей школы. Филологические науки», 1959, № 2, стр. 142.

⁴³ Я. Б. Крупаткин, К истории древнеанглийской системы гласных, ВЯ, 1962, VI, стр. 55.

⁴⁴ М. И. Стеблин-Каменский, Скандинавское преломление с фонологической точки зрения, Материалы Второй научной сессии по вопросам германского языкознания, Москва—Ленинград, 1961, стр. 136—138.

положению языка. Полностью соглашаясь с Я. Б. Крупаткиным в том, что оппозиции $|f| - |\tilde{a}|$, $|\tilde{e}| - |\tilde{o}|$ были основаны на признаке лабиальности, мы, однако, считаем нужным показать, что оппозиция $|\tilde{a}^1| - |\tilde{a}|$ была совсем другого рода. Здесь, прежде всего, важно учитывать разницу между результатами *i*-умлаута от $|\tilde{u}|$, $|\tilde{o}|$, с одной стороны, и $|\tilde{a}|$, с другой. *i*-умлаут от $|\tilde{u}|$, $|\tilde{o}|$ означал фонологизацию их передних аллофонов $[y]$, $[\theta]$, т.е. возникновение новых фонем $|\tilde{y}|$, $|\tilde{\theta}|$. А что касается *i*-умлаута от $|\tilde{a}|$, то в уэссекском он означал слияние аллофонов $|\tilde{a}|$ перед $|j i|$ с уже существующими фонемами $|\tilde{a}^1|$, $|\tilde{a}|$, т.е. простое перераспределение фонем. То же самое означает *i*-умлаут от $|\tilde{a}|$ в кентском и в английских диалектах. *i*-умлаут от $|\tilde{a}|$ в этих диалектах, в связи со слиянием $|\tilde{a}^1| > |\tilde{e}|$, означал возникновение новой фонемы $|\tilde{a}^2|$, которая заняла место в серии передних неогубленных гласных. Какие выводы можно сделать относительно фонологической характеристики $|\tilde{a}|$, если исходить из результатов *i*-умлаута? Так как под палатальным влиянием $|i j|$ происходила нейтрализация фонологической оппозиции $|\tilde{a}^1| - |\tilde{a}|$, т.е. передние аллофоны $|\tilde{a}|$ перед $|i j|$ сливались с $|\tilde{a}^1|$, эта оппозиция должна была основываться на признаке палатальности, или положения языка. В кентском и английских диалектах, где результатом *i*-умлаута от $|\tilde{a}|$ был передний неогубленный гласный $|\tilde{a}^2|$, $|\tilde{a}|$ должно было характеризоваться как единственный гласный наибольшей степени раскрытия, перед $|i j|$ имевший передний неогубленный аллофон $[a]$. Но до кентского и английского слияния $|\tilde{a}^1| > |\tilde{e}|$ здесь в наибольшей степени раскрытия должна была существовать оппозиция $|\tilde{a}^1| - |\tilde{a}|$, основанная на признаке положения языка, так же, как она существовала в уэссекском. Таким образом устранение $|\tilde{a}^1|$ способствовало урегулированию системы, так как оно тем самым устранило изолированную оппозицию.

Большое значение, конечно, имел тот факт, что до *i*-умлаута $|\tilde{e}|$ ($<$ герм. $|\tilde{e}^1|$) было, сравнительно, редкой фонемой и, следовательно, на противопоставление $|\tilde{a}^1| - |\tilde{e}|$ падала невысокая функциональная нагрузка.

Когда происходило сужение $|\tilde{a}^2|$ и $|\tilde{a}|$, эти фонемы, противопоставленные $|\tilde{a}|$ как передние заднему, были лучше включены в систему, потому что положение языка было релевантным и для оппозиций $|\tilde{y}| - |\tilde{u}|$, $|\tilde{\theta}| - |\tilde{o}|$, $|f| - |\tilde{u}|$, $|\tilde{e}| - |\tilde{o}|$. Но $|f| - |\tilde{u}|$, $|\tilde{e}| - |\tilde{o}|$ противопоставлялись и по признаку лабиальности, который был иррелевантным для $|\tilde{a}^1| - |\tilde{a}|$, вследствие чего последние, по сравнению с первыми, в систему были включены слабее. Поэтому при выяснении причин слияния $|\tilde{a}^2| > |\tilde{e}|$, $|\tilde{a}^1| > |\tilde{e}|$ изолированность также должна быть учтена.

Интересно отметить, что сужение $|\tilde{a}^1| > |\tilde{e}|$ разделили все древнеанглийские диалекты, за исключением уэссекского. Учитывая полную изолированность оппозиции $|\tilde{a}^1| - |\tilde{a}|$, это должно быть вполне понятно. С другой стороны, сужение $|\tilde{a}^2|$ явилось чисто кентской особенностью, по-видимому, потому, что оппозиция $|\tilde{a}^1| - |\tilde{a}|$ по признаку положения языка уже была вполне нормальной в системе того времени. Устранению $|\tilde{a}^2|$ здесь, вполне возможно, способствовало отсутствие коррелята среди кратких, так как переход $|\tilde{a}^1| > |\tilde{e}|$ был универсальным. В таком случае $|\tilde{a}^2|$ было сохранено в мерсийских

диалектах, затронутых действием второй палатализации, не только потому, что среди долгих фонологические различия легче соблюдать, но и потому, что после второй палатализации /ǣ/ все-таки осталось.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Anglų kalbos katedra

Įteikta
1964 m. balandžio mėn

**/ǣ/ SUSIAURĖJIMAS
SENOSIOS ANGLŲ KALBOS KENTO DIALEKTE**

A. STEPONAVIČIUS

R e z i u m ė

Kento dialekte /ǣ¹/ susiliejo su /ē/ dar prieš balsių lūžį. /ǣ²/ ir /ǣ/ susiaurėjimas įvyko maždaug vienu metu, ne vėliau kaip VIII a. Galima spėti, jog kaip /ǣ¹/, taip ir /ǣ²/, /ǣ/ susiaurėjimo atvejais pakitimus nulėmė panašūs struktūriniai faktoriai.
